

РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ: ИЗ ИСТОРИИ ИХ СТАНОВЛЕНИЯ

Проблема взаимодействия русской и итальянской культур является одной из самых актуальных в гуманитарной науке. Ее исследованием занимались А. Ванин, Л. Коваль, Н. Комолова, Ю. Ларионова, И. Шаркова и другие ученые. Эта проблема изучалась в различных ракурсах — историческом, экономическом, философском, искусствоведческом. Однако, несмотря на весьма широкий спектр работ, исследующих русско — итальянские контакты, на сегодняшний день эта проблема исследована недостаточно. В большинстве трудов преобладает историко — хроникальный или искусствоведческий подход, а также научно — популярная направленность или туристическая обзорность.

В данной статье предпринимается попытка осмыслить характер и специфику русско — итальянских контактов в историко — культурной перспективе, от древних времен к современности. Наши многообразные контакты развивались в нескольких социокультурных направлениях: торгово — экономическом, политико-дипломатическом, общественно — гражданственном, художественном (градостроительство и архитектура, изобразительное и монументально — декоративное искусство, театр и музыка). Рассмотрим кратко виды этих отношений и выявим их значение в развитии российской культуры.

Как известно, межгосударственные контакты России с Италией наиболее последовательно начали складываться в конце XV века. Однако целый ряд источников свидетельствует о том, что самые ранние контакты относятся к XIII веку. В 1270 — 1280 гг. появились первые генуэзские колонии в Крыму: Кафа (Феодосия), Чембало (Балаклава), Солдайя (Судак). Как отмечают исследователи, Кафа являлась центром владений Генуи в Крыму, — сюда свозили различные товары и отправляли их в митрополию. Но главным товаром были рабы, их поставляли татары — золотоордынцы, совершавшие набеги на наши земли. Когда в Кафе вспыхнула эпидемия чумы, генуэзцы бежали в Константинополь, а затем в Европу. Вероятно, вместе с ними и наши соотечественники попадали в европейские и «Италийские страны».

В дальнейшем, в конце XV века, возникновение русско — итальянских контактов было обусловлено причинами политико-эко-

номического характера, а именно — необходимостью строительства в Москве, новой русской столице, каменного Кремля (вместо неоднократно сгоравшего дотла деревянного), по подобию итальянской средневековой крепости. При этом были соблюдены исконно русские традиции градостроительства — военно-оборонительной целесообразности, с учетом особенностей природного рельефа местности. Как пишет Р. Пересветов, вдохновительницей возведения каменной крепости была супруга Ивана III София Палеолог (дочь итальянской герцогини из Феррары и брата последнего византийского императора Константина). Она опасалась за сохранность привезенной ею из Византии обширной библиотеки (впоследствии либерии Ивана IV Грозного). По ее совету для проектирования и строительства Кремля были приглашены лучшие архитекторы того времени из Италии: венецианцы А. Фиораванти и П. Солари, а также А. Джиларди, М. Руффо, Б. Фрязин, Алевиз Старый и А. Фрязин (Новый). Из исторических источников подлинно известно, что большинство московских гражданских и культовых сооружений, разнообразные по форме и назначению кремлевские башни, прекрасные «итальянские» стены («ласточкин хвост»), разные гидротехнические сооружения, потайные подземные ходы и палаты — все эти удивительные творения принадлежали гениальным итальянцам и их талантливым русским ученикам.

Эти первые российско-итальянские контакты привели к формированию архитектурного облика новой русской столицы, где «удачно и неповторимо слились в единое целое традиции зодчества Владимира, Пскова и ранней Москвы», а также деликатно вплелись некоторые элементы итальянской архитектуры. Как видим, все эти факты свидетельствуют о проявлении бережного отношения к нашим традициям, а вместе с тем — и о первых попытках европеизации России, мощно развернутых в конце XVII — начале XVIII веков.

Реформы Петра, вырвавшие Россию из средневековья и сменившие ее духовную доминанту с религиозной на светскую, вывели русскую культуру на ренессансную стадию. К тому времени Западная Европа уже прошла свое Возрождение и поднялась на уровень Просвещения, а в России «рождался своеобразный сплав ренессансного, доренессансного и постренессансного», как отмечает М. С. Каган. Но только новый город, особого типа, мог стать «плацдармом для развития в России ренессансоподобных культурных процессов», им и стал Петербург. Любопытно заметить, что всем известное, благодаря Пушкину, образное определение

Петербурга как «окна в Европу», также принадлежит итальянцу — путешественнику, князю Альгаротти. Как известно, современники в 1725 г. признали Петербург одной из красивейших столиц Европы, называя «Северной Венецией» — за сходство со знаменитой итальянской «жемчужиной Адриатики», расположенной в морской лагуне на островах, в окружении множества каналов, мостов и великолепных каменных и мраморных дворцов.

Безусловно, художественный образ петровского Петербурга связан, прежде всего, с именами итальянских архитекторов, восхитительные произведения которых дошли и до наших дней (Г. — К. Киавери, Дж. Фонтана, К. — Б. Растрелли, Д. Трезини — швейцарского итальянца, ставшего главным архитектором Петербурга со времени его основания). Масштабным было разнообразие возводимых ими зданий — преимущественно светского назначения (государственного, административного и жилого). О стиле Петербурга петровского времени замечательно сказал И. Грабарь, что хотя здесь работали многие иностранные мастера, «физиономия Петербурга тем не менее не итальянская, не немецкая, не французская, не голландская, а — петербургская». Традиция сохранения национального своеобразия русской архитектуры соблюдается и последующими поколениями мастеров, а ведущая роль вновь принадлежит итальянцам (К. Росси; А. Ринальди, Б. — Ф. Растрелли, В. Бренна). Разнообразно одаренные итальянцы обладали также и декораторским мастерством, украшая интерьеры городских резиденций и загородных вилл, устраивая садово — парковые ансамбли. Среди них — декораторы, живописцы, скульпторы (С. Торелли, Б. Тарсия, К.-Б. Растрелли, П. Гонзага, Дж. Валериани, А. Перезинотти, Ф. Градици, И. П. Витали). Итальянское влияние зримо проступает в знаменитых петербургских, а затем и московских загородных усадьбах (Куское, Останкино, Архангельское). Заметим, самое раннее направление русско — итальянского сотрудничества, архитектурно — градостроительное, естественным образом (через бытовую культуру) соединялось с различными видами искусства.

Дипломатические отношения России с Италией складывались с конца XV века. Именно «Италийские страны» стали первыми зарубежными государствами, с которыми молодое Московское княжество установило дипломатические контакты: Венеция и Милан (1493), затем — Рим (1525), Тоскана (1684), а позднее — Неаполь, Турин, Генуя, Сицилия (XVIII в.). Торгово — экономические взаимосвязи зарождаются во времена правления Бориса Годунова (Тоскана, 1603) и Алексея Михайловича (Флоренция, 1654; Вене-

ция, 1656). При Петре I русско — итальянские контакты принимают постоянный, всесторонний характер.

Так, необходимо отметить продолжение давней традиции приглашения высоко профессиональных специалистов, обучавшихся в Италии. Первыми профессорами Славяно-греко-латинской Академии (1687) стали греки И. и С. Лихуды, выпускники Падуанского университета (обучали русских людей итальянскому языку). О первых научных контактах русских с итальянцами пишет в своей книге Н. Тимофеев: «2 мая 1692 года Падуанский университет присудил русскому врачу и переводчику П. В. Постникову ученую степень доктора медицины и философии». В дальнейшем, членом Болонской академии наук был избран М. В. Ломоносов. Тогда же и некоторые итальянские ученые были избраны почетными членами Российской Академии наук.

Международный обмен профессиональным опытом русских и итальянских специалистов прослеживается и в том, что, по договору русского дипломата и военного деятеля Б. П. Шереметева с дожем Венеции (1697), в Россию были отправлены механики и шлюзовые мастера для строительства будущего адмиралтейства в Санкт — Петербурге. Примером подобного обмена является основание одного из русских народных промыслов «кадомский вениз» (п. Кадом Рязанской области; вениз — от слова «Венеция»). Ремесло венецианских кружевниц (ручная игольчатая вышивка по шелку) — ныне образец высокого искусства. Подтверждением мастерства венецианцев, а также нашего сотрудничества являются образцы итальянских тканей XVII — XVIII вв. и изделия из них, экспонирующиеся в Оружейной палате Московского Кремля. Венецианским бархатом обита мебель в Теремном дворце, построенном в начале XVII века русскими зодчими в пестром сочетании древнерусского стиля с итальянским (на Руси его называли «ломбардским»).

С конца XVII века культурные контакты обретают новый вид взаимоотношений — вероятно, это прообраз будущего международного туризма. Как пишет Н. Тимофеев, «от 7 августа 1689 года сохранились докладная посольского приказа и разрешение боярской думы о пропуске из Смоленска в Москву итальянских посланцев Анджела Габриели из Рима и других, приехавших для осмотра достопримечательностей российской столицы».

С петровских времен началось собирательство, коллекционирование произведений искусств, прежде всего, итальянских мастеров, — что затем стало носить целенаправленный характер. Это легло в основу частных и государственных собраний художествен-

ных ценностей и способствовало организации музейного дела в России.

Важной культурной традицией петровской эпохи стало так называемое пенсионерство: одаренных русских людей посылали за границу учиться морскому делу, наукам, ремеслам, живописи, музыке. Так, в Италии совершенствовали мастерство многие отечественные художники (братья И. и Р. Никитины, С. Щедрин; А. Лосенко; К. Брюллов, А. Иванов и др.). С конца XVIII столетия на стажировку в Италию стали отправлять и русских музыкантов: в Болонской академии учились композиторы Д. Бортнянский, М. Березовский и Е. Фомин, которые затем были избраны по конкурсу в члены Болонской филармонической академии. Традиция пенсионерства имела тенденцию к развитию и взаимообогащению наших культур, — в виде новых многообразных форм проявления (творческие контакты, дружеские связи, впечатления и т. д.).

Новый вид искусства, «опера», привнесенный в русскую культуру итальянцами Ф. Арайя, П. Локателли, А. Ринальди в XVIII веке (1736), дал толчок к дальнейшему развитию и других музыкальных жанров (вокальных, инструментальных, танцевальных), приведших к явлению мирового масштаба — возникновению русской национальной музыки, композиторского и исполнительского искусства. Русская вокальная школа также имеет итальянские истоки: основоположник русской музыки и вокальной школы М. И. Глинка в течение четырех лет творил в Италии и брал уроки вокального мастерства знаменитых итальянских *maestri*. Многие русские певцы обязаны своим вокальным долголетием итальянским педагогам (К. Эверарди, У. Мазетти и др.). Известное соперничество двух оперных школ, русской и итальянской, в XIX веке несомненно, способствовало дальнейшему развитию мирового оперного искусства, — появлению других национальных европейских школ (Чехии, Польши, Венгрии) и новых творческих направлений в собственной музыке («веризм» Пуччини и Масканьи, драматизм Верди, глубокий психологизм Мусоргского и Чайковского). В конце XIX — начале XX вв. наши соотечественники, бывая в Италии, уже не только учились, но и сами становились живыми носителями культурных связей России с Италией (П. Чайковский, И. Стравинский, Ф. Шаляпин, Л. Собинов, А. М. Горький, М. Волошин, А. Блок, М. Врубель, А. Бенуа, К. С. Станиславский и мн. др.).

В XX и XXI веке наши разнообразные культурные связи продолжают динамично развиваться: обмен гастролями, университетские обмены, совместные театральные и кинопостановки, книжные и художественные выставки (живопись, архитектура, музейные

ценности), региональные культурные контакты и мн. др. Таким образом, тенденция к диалогу двух культур, основанная на взаимном интересе итальянцев и русских друг к другу, подтверждается всей 500-летней историей наших культурных взаимоотношений.

Анисимов Е. Время петровских реформ. СПб., 1989.

Ванин А. Советско-итальянские отношения: Проблемы, тенденции, перспективы. М., 1982.

Головина Л. В. Русская живопись первой половины XIX века. М., 2002.

Ерачина О. Кружево плетется в течение 1500 часов. Вечерний Екатеринбург, 15 окт. 2005.

Ильина Т. В. Русское искусство XVIII века. М., 1999.

Италия и Европа: Сб. ст. В 2 ч. / Отв. ред. Комолова И. П. М., 1990.

Каган М. С. История культуры Петербурга. СПб., 2006.

Коваль Л. М. Русско-итальянские общественные связи: Россия. Италия. М., 1981.

Ларионова Ю. Б. и др. Италия. Вокруг света. М., 2004.

Левашева О. и др. История русской музыки. Т. I. М., 1980.

Ливанова Т. Н. и др. Оперная критика в России. М., 1966, 1969.

Назаренко И. К. Искусство пения. М., 1968.

Пересветов Р. Т. По следам находок и утрат. М., 1961.

По Кремлю. / Ред. Л. Крекшина. М., 1970.

Тельтевский П. А. Московские шедевры. М., 1983.

Тимофеев Н. И. СССР — Италия: Культурные связи. М., 1980.

Шаркова И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV–первой пол. XVIII в. Л., 1990.

В. П. Прытков
Екатеринбург

О КУЛЬТУРЕ МЫШЛЕНИЯ

Вопрос о культуре мышления относится к разряду «вечных проблем» философии. Действительно, раскрыть природу человеческого мышления пытались еще досократики [1. С. 432]. Направление дальнейших поисков задавалось бинарной оппозицией «натура-культура»; софисты противопоставляли то, что существует «по природе» всему, что существует «по уговору». Логика Аристотеля была создана в ходе полемики с воззрениями софистов. С тех пор изучение логики, математики и философии служит главным средством формирования культуры мышления. В недавнем прошлом, в условиях социальной стабильности, вопрос о культуре мышления казался чисто академическим, оставаясь сугубо внутренним делом научного и философского сообществ. О нем вспоминали лишь тогда, когда власти затевали очередные реформы в